ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ: 1 И 16 ЧИСЕЛЪ.

Подписка принимается въ Редакціи, при Пензенской дух. Семинаріи.

№ 13.

Цѣна годовому изданію Вѣдомостей съ пересылкою и доставкою 5 руб.

1-го іюля, 1879 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА:

Отъ 22-го марта—16-го апрѣля 1879 г. за № 595, по вопросу объ оплатѣ гербовымъ сборомъ копій съ рѣшеній и другихъ бумагъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ лицъ духовнаго званія.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 7-го марта сего года за № 1161, о томъ, что согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 8-го ноября—28-го декабря минувшаго года, сообщено было министру финансовъ объ изъясненныхъ въономъ соображеніяхъ относительно освобожденія отъ платы гербовымъ сборомъ копій съ рѣшеній, протоколовъ и другихъ бумагъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ духов-

ныхъ лицъ. Нынѣ товарищъ министра финансовъ сенаторъ Гирсъ увѣдомляетъ, что по 1 п. 45 ст. герб. устава отъ гербоваго сбора освобождены прошенія и другія бумаги, означенныя въ ст. 6 п. 1, а также разрѣшительныя бумаги во всѣхъ вѣдомствахъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ; къ числу же разрѣшительныхъ бумагъ, согласно п. А № 215 алфавитнаго къ гербовому уставу перечня, относятся и выдаваемыя должностными лицами и правительственными, какъ судебными, такъ и административными установленіями, копіи съ разрѣшеній, опредѣленій, приговоровъ, постановленій и другихъ документовъ. Посему, на основаніи п. 1 ст. 45 герб. уст., отъ гербоваго сбора изъяты копіи съ рѣшеній, протоколовъ и приговоровъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ духовныхъ лицъ. Что же касается установленной ст. 795 Уст. Угол. Суд. 1864 г. платы по 20 к. съ каждаго лица за написаніе копіи съ приговора, выдаваемой участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, то плата эта не составляетъ гербоваго сбора, и вслѣдствіе того помянутая 795 ст. сохранила свою силу и послѣ введенія въ дѣйствіе, съ 1-го іюля 1875 г., устава о гербовомъ сборѣ 17-го апрѣля 1874 года. И, по справкѣ, приказали: объ изъясненномъ въ отзывѣ товарища министра финансовъ разъясненіи вопроса объ оплатѣ гербовымъ сборомъ копій съ рѣшеній, протоколовъ и другихъ бумагъ, выдаваемыхъ просителямъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ лицъ духовнаго званія, объявить по духовному вѣдомству для свѣдѣнія и въ надлежащихъ случаяхъ руководства и исполненія, для чего и припечатать настоящее опредѣленіе въ „Церковномъ Вѣстникѣ“.

Отъ 11-го апрѣля—11-го мая 1879 года за № 660, по вопросу о томъ, имѣютъ-ли члены духовныхъ консисторій право на совмѣстное полученіе жалованья по консисторіи и пенсіи за службу по министерству народнаго просвѣщенія.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 9-го февраля сего года за № 1617, по вопросу о предоставленіи членамъ духовныхъ консисторій права на совмѣстное полученіе жалованья по консисторіи и пенсіи за службу по министерству народнаго просвѣщенія. Справка: см. „Церковный Вѣстникъ“ 1877 года № 43-й. Приказали: Вслѣдствіе объявленнаго г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ въ 4-мъ № „Церковнаго Вѣстника“ за 1876 г. состоявшагося, по соглашенію министерствъ народнаго просвѣщенія и финансовъ, II отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и государственнаго контроля, постановленія о томъ, что одновременное полученіе членами духовныхъ консисторій жалованья по должности и пенсій, если таковыя заслужены по министерству народнаго просвѣщенія, какъ несогласное съ закономъ (ст. 12 и 14 Уст. Пенс.), не должно быть допускаемо, нѣкоторые епархіальные преосвященные стали входить въ центральное управленіе духовнаго вѣдомства съ ходатайствами объ отмѣнѣ сказаннаго постановленія, какъ долженствующаго вредно отразиться на ходѣ епархіальныхъ дѣлъ, ибо духовныя консисторіи въ бывшихъ законоучителяхъ учебныхъ заведеній имѣютъ опытнѣйшихъ и благонадежнѣйшихъ членовъ, а въ консисторіяхъ западныхъ епархій, гдѣ въ городахъ число церквей незначительно, даже единственныхъ членовъ. Преосвященные выразили опасеніе, что члены консисторій изъ

упомянутыхъ пенсіонеровъ найдутъ для себя невыгоднымъ отказаться отъ заслуженной пенсіи и предпочтутъ оставить многосложныя обязанности членовъ консисторій, чтобы, сохраняя пенсію, на мѣстахъ приходскихъ священниковъ, найти въ вознагражденіяхъ отъ прихожанъ за требы необходимыя средства къ существованію своему и семействъ ихъ. Признавая эти опасенія уважительными, Святѣйшій Синодъ, по опредѣленію 20-го мая 1877 года, предоставилъ г. синодальному Оберъ-Прокурору снестись съ вѣдомствами, участвовавшими въ разрѣшеніи вышеупомянутаго вопроса, не окажется ли возможнымъ испросить отмѣну сдѣланнаго тѣми вѣдомствами постановленія. Вѣдомства эти вслѣдствіе сего увѣдомили, что дѣйствіе статей устава о пенсіяхъ, по коимъ недопускается одновременное полученіе жалованья и пенсіи, распространяется и на членовъ духовныхъ консисторій, выслужившихъ пенсіи за учебную службу какъ по министерству народнаго просвѣщенія, такъ и по другимъ вѣдомствамъ, вслѣдствіе чего, для осуществленія предположенія Святѣйшаго Синода о совмѣстномъ полученіи членами консисторій жалованья по ихъ должности и пенсіи за прежнюю законоучительскую службу, необходимо было бы испросить, въ установленномъ законодательномъ порядкѣ, отмѣну дѣйствующаго закона на предметъ предоставленія законоучителямъ изъ духовныхъ лицъ новыхъ пенсіонныхъ льготъ. Въ виду таковаго отзыва Святѣйшій Синодъ не находитъ возможнымъ въ настоящее время ходатайствовать объ измѣненіи существующихъ постановленій въ смыслѣ предоставленія членамъ всѣхъ духовныхъ консисторій права полученія, вмѣстѣ съ жалованьемъ по должности члена консисторіи, и выслуженныхъ ими пенсій за учебную службу. Но вмѣстѣ съ симъ, принимая во вниманіе, что для лицъ, состоящихъ на государ-

ственной службѣ въ Западномъ Краѣ и Царствѣ Польскомъ, п. 5 ст. 12 Пенс. Уст. и § 9-го Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1867 года правилъ о преимуществахъ чиновниковъ русскаго происхожденія, переходящихъ на службу въ нѣкоторыя губерніи Западнаго Края и въ Царство Польское, сдѣлано изъятіе изъ общихъ пенсіонныхъ правилъ, по коему симъ лицамъ предоставлено право сохраненія пенсіи на службѣ, Святѣйшій Синодъ, признаетъ необходимымъ, согласно отзыву министра финансовъ, предоставить г. синодальному Оберъ-Прокурору испросить, установленнымъ порядкомъ, Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на распространеніе таковаго же изъятія и на членовъ духовныхъ консисторій въ мѣстностяхъ, указанныхъ въ 5 п. 12 ст. Пенс. Уст. и въ Царствѣ Польскомъ. О содержаніи настоящаго опредѣленія поставить въ извѣстность, чрезъ „Церковный Вѣстникъ", преосвященныхъ епархіальныхъ архіереевъ.

Разрядный списокъ учениковъ IV кл. пензенскаго дух. училища, окончившихъ полный училищный курсъ въ 187⁸/₉ учебномъ году.

Разрядъ первый.

1, Владиміръ Вѣнценосцевъ, Александръ Архангельскій, Алексѣй Автократовъ, Иванъ Смирновъ, 5, Серафимъ Яхонтовъ, Апполинарій Ключаревъ, Степанъ Альбокриновъ, Алексѣй Никольскій.

Разрядъ второй.

Василій Разсказовъ, 10, Антоній Львовъ, Василій Маіерановъ, Дмитрій Покровскій, Николай Александровскій,

Викторъ Аристидовъ, 15, Петръ Кронтовскій, Владиміръ Кашинскій, Иванъ Орловъ, Иванъ Небосклоновъ, Владиміръ Артоболевскій, 20, Константинъ Добросердовъ, Николай Никольскій, Николай Миловъ, Алексѣй Артоболевскій, Павелъ Добросердовъ, 25, Иванъ Артоболевскій, Алексѣй Началовъ, Василій Студенцовъ, Михаилъ Ювенскій, Николай Докучаевъ.

Разрядъ третій.

30, Иванъ Владыкинъ, Николай Перуновъ, Серафимъ Соловьевъ, Иванъ Ремезовъ, 34, Василій Смирновъ.

Списокъ учениковъ IV кл. краснослободскаго дух. училища, окончившихъ полный училищный курсъ въ 187⁸/₉ учебномъ году.

Разрядъ первый.

1, Николай Тюльпановъ, Иванъ Европейцевъ, Валентинъ Сатурновъ, Николай Степановъ, 5, Иванъ Покровскій.

Разрядъ второй.

Михаилъ Покровскій, Леонидъ Бѣляевъ, Алексѣй Боголюбовъ, Иванъ Кротковъ, 10, Михаилъ Феликсовъ, Иванъ Толузаковъ.

Разрядъ третій.

Александръ Степановъ, 13, Александръ Николаевскій.

Списокъ учениковъ IV кл. нижне-ломовскаго дух. училища, окончившихъ полный училищный курсъ въ 187⁸/₉ учебномъ году.

Разрядъ первый.

1, Евгеній Астрономовъ, Иванъ Беневоленскій, Іосифъ Голиковъ, Серафимъ Рачининъ.

Разрядъ второй.

5 Петръ Кудрявцевъ, Василій Чудодѣевъ, Александръ Постниковъ, Владиміръ Архангельскій.

Разрядъ третій.

Иванъ Катмисскій, 10, Василій Виргиліевъ.

Правленіе семинаріи симъ извѣщаетъ, что переэкзаменовка какъ учениковъ семинаріи, такъ и державшихъ экзаменъ на поступленіе въ семинарію начнется, по окончаніи каникулярнаго времени, съ 17 числа августа.

Канцелярскій чиновникъ пензенской духовной консисторіи губернскій секретарь Яковъ Соловьевъ, по опредѣленію консисторіи, отъ 26—28 мая сего 1879 года, за смертію, изъ штата чиновниковъ консисторіи исключенъ.

Отъ тамбовскаго церковно-историческаго Комитета.

Указомъ Св. Синода, отъ 20 февраля сего года за № 529, тамбовской духовной семинаріи разрѣшено совершить 22 числа сентября сего (1879) года, по случаю имѣющаго исполниться въ этотъ день столѣтія ея существованія, юбилейное торжество.

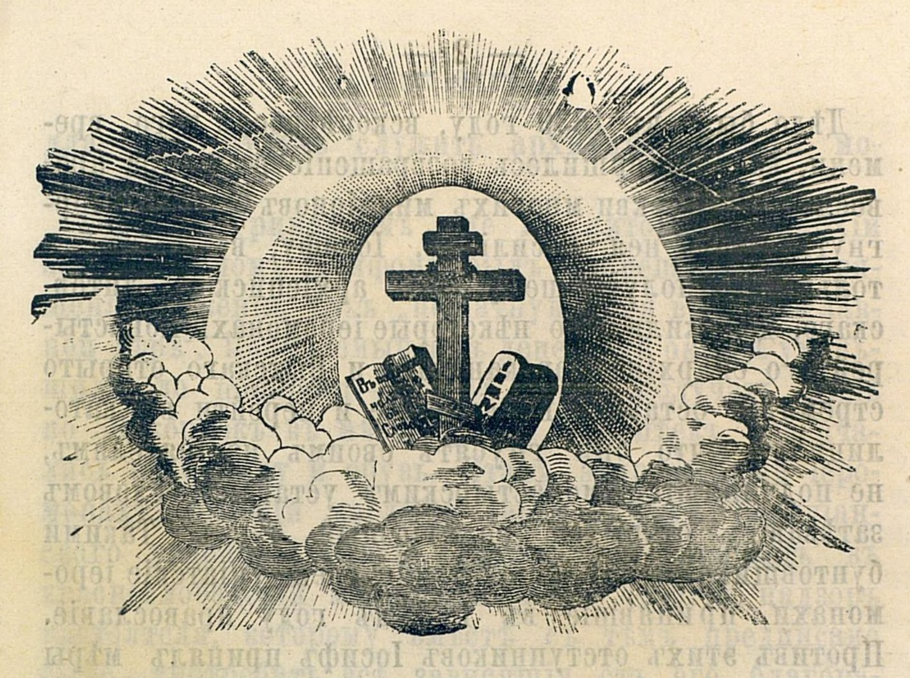
Въ виду сего Церковно-историческій Комитетъ, состоящій при тамбовской духовной семинаріи, покорнѣйше проситъ всѣхъ, получившихъ образованіе въ тамбовской семинаріи, а равно и служившихъ въ оной оказать свое посильное содѣйствіе Комитету сообщеніемъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи тамбовской духовной семинаріи.

Статьи, письма и посылки по сообщенію свѣдѣній о тамбовской семинаріи покорнѣйше просятъ адресовать на имя предсѣдателя комитета, ректора семинаріи, архимандрита Димитрія.

Редакторы, преподаватели семинаріи: А. Поповъ. Н. Смирновъ.

Дозволено ценз. Пенза, 1 іюля 1879 г. Цензоръ, ркт сем., прот. С. Масловскій.

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.



ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 іюля. № 13. 1879 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Іеромонахъ Гервасій Гринцевичъ.

(Къ исторіи возвращенія уніатовъ въ православіе).

Кто бы могъ подумать, что нашъ краснослободскій Спасо-Преображенскій монастырь могъ имѣть какое либо отношеніе къ дѣлу такъ—называемой „*уніи*"?—а между тѣмъ и онъ внесъ свою лепту—правда: лепту, не больше—но все же внесъ, въ то дѣло, главнымъ руководителемъ котораго былъ литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко.

Дѣло было въ 1839 году, вскорѣ послѣ того времени, какъ совершилось возвращеніе въ нѣдра православной Церкви многихъ милліоновъ душъ, отторгнутыхъ отъ нея насиліемъ. Іосифу, въ то время только что получившему санъ архіепископа литовскаго, доложили, что нѣкоторые іеромонахи монастырей его епархіи—Тороканскаго и Бытскаго открыто стремятся оставить православіе и перейти въ католицизмъ,—что они грубятъ своимъ настоятелямъ, не подчиняются монастырскимъ уставамъ—словомъ затѣваютъ открытый религіозный бунтъ. Такими бунтовщиками явились бывшіе греко-уніатскіе іеромонахи, принявшіе въ 1839-мъ году православіе. Противъ этихъ отступниковъ Іосифъ принялъ мѣры и притомъ самыя радикальныя. Онъ предложилъ тогдашнему оберъ-прокурору Св. Синода всѣхъ отступниковъ взять изъ литовской епархіи и по одному разослать по монастырямъ великорусскихъ епархій, а настоятелямъ тѣхъ монастырей поручить уговорить этихъ несчастныхъ безумцевъ оставить свою затѣю и обратиться на правый путь истины. Св. Синодъ такъ и опредѣлилъ;—и вотъ въ пензенскую епархію прибыли два іеромонаха—изъ Бытскаго монастыря іеромонахъ Гервасій Гринцевичъ и изъ Тороканскаго—Викентій Павловскій. Послѣднему изъ нихъ назначенъ былъ мѣстомъ жительства и покаянія пензенскій Спасо-Преображенскій монастырь, а первому, Гринцевичу, краснослободскій Спасо-Преображенскій.

Скажемъ въ настоящей замѣткѣ о томъ, какъ жилъ и что дѣлалъ въ краснослободскомъ монастырѣ іеромонахъ Гервасій Гринцевичъ. Источникомъ

для насъ будутъ служить архивныя бумаги монастыря.

Гервасій Гринцевичъ еще въ литовской епархіи архіепископомъ Іосифомъ былъ запрещенъ въ священнослуженіи, какъ „пошатнувшійся въ православной вѣрѣ". Получаемый имъ денежный окладъ уменьшили до minimum—а: онъ сталъ получать лишь по 50 копѣекъ въ мѣсяцъ; эти 50 копѣекъ назначались на одежду и обувь. Итакъ, запрещенный іеромонахъ, бывшій когда-то іеромонахомъ Базиліанскаго ордена—Гервасій Гринцевичъ прибылъ въ краснослободскій монастырь подъ строгій надзоръ настоятеля, которому вмѣстѣ съ тѣмъ предписано было „употребить всѣ зависящія отъ его благоразумія мѣры внушенія и убѣжденія". Чрезъ каждые четыре мѣсяца, т. е. за каждую треть года, настоятель монастыря долженъ былъ доносить о плодахъ трудовъ своихъ въ дѣлѣ увѣщанія отступника, а вмѣстѣ и о его поведеніи—преосвященному, который въ свою очередь долженъ былъ, тоже по третямъ года, доносить о Гринцевичѣ св. Синоду *)...

Настоятелемъ Спасо-Преображенскаго монастыря былъ въ то время архимандритъ Никонъ, глубокій старецъ. Онъ происходилъ изъ одной очень богатой семьи московскаго торговца; въ молодыхъ лѣтахъ поступилъ въ Саровскую пустынь, гдѣ и былъ іеродіакономъ, іеромонахомъ и наконецъ казначеемъ. Оттуда онъ поступилъ въ настоятели въ краснослободскій монастырь, потомъ переведенъ въ Саранскъ,

*) Указ. пенз. дух. кон. отъ 31 янв. 1840 г. № 303, въ арх. Спасо-Преобр. мон.

въ Петропавловскій монастырь, и возведенъ въ санъ архимандрита, а изъ Саранска, по просьбѣ гражданъ города Краснослободска, св. Синодомъ переведенъ снова въ краснослободскій монастырь. Никонъ одаренъ былъ отличными природными дарованіями, много читалъ, былъ хорошій практикъ въ жизни, но кромѣ домашняго и „монастырскаго“ образованія, по части развитія умственныхъ способностей онъ ничего не имѣлъ, потому что ни въ какой школѣ не обучался. Нося санъ архимандрита, достопочтенный старецъ, конечно, зналъ свою вѣру православную, но едва ли вполнѣ извѣстны были ему тѣ догматическія тонкости, которыя составляютъ главное препятствіе, мѣшающее католицизму слиться съ православіемъ. И вотъ такому-то наставнику поручили Гринцевича, который, судя по его красивому бойкому почерку, показывающему, что перо у него въ рукахъ съ малолѣтства, по его выдержанности въ жизни, по его умѣнью вести свои дѣла, наконецъ по тому вниманію, какое оказывали ему оберъ-прокуроръ св. Синода, самъ Синодъ, а вслѣдъ за ними и пензенскій преосвященный,—былъ важная птица. Пусть онъ былъ „подъ началомъ“, но—коршунъ и связанный клюется.

Поступивши въ монастырь, Гринцевичъ повелъ жизнь свою какъ истый іезуитъ. Онъ жилъ очень аккуратно, не дозволялъ себѣ никакихъ сколько нибудь предосудительныхъ поступковъ, и св. Синодъ чрезъ каждые четыре мѣсяца получалъ отъ преосвященнаго Амвросія доношеніе, что отступникъ отъ православія ведетъ себя безукоризненно. Наступитъ ли, напримѣръ, царскій день—Гринцевичъ непре-

мѣнно въ церкви; но Богу не молится, а стоитъ себѣ да глядитъ на иконы, точь въ точь какъ наши чиновники католики и лютеране, которые въ царскіе дни ходятъ въ церковь, какъ говорится „для мебели“,—чтобы отстоять столбомъ извѣстное число минутъ. На вопросы: почему онъ не крестится, не кладетъ поклоновъ?—Гринцевичъ кротко отвѣтитъ: „я съ вами не единомысленъ“,—и снова молчитъ *). Въ большіе праздники Гринцевичъ тоже ходилъ въ церковь, но Богу никогда тамъ не молился. Подъ конецъ своей жизни въ монастырѣ онъ сталъ ходить въ церковь исключительно лишь въ царскіе дни: очевидно онъ боялся, какъ-бы изъ противника православной Церкви его не представили противникомъ правительства, политическимъ преступникомъ.

Впрочемъ чистый по жизни, кроткій въ обращеніи съ другими, отецъ Гервасій, какъ ревностный католикъ, не былъ агнцемъ незлобивымъ, когда къ нему приставали съ увѣщаніями. На рѣчи настоятеля, въ которыхъ, конечно, нельзя было видѣть глубокой учености, Гринцевичъ отвѣчалъ грубо, дерзко: отстаньте—дескать отъ меня съ своими внушеніями—я самъ больше васъ знаю! Вотъ что писалъ Никонъ въ своей вѣдомости о монашествующихъ за 1840 годъ, т. е. спустя годъ послѣ того какъ Гринцевичъ поступилъ въ монастырь: „іеромонахъ Гринцевичъ велъ себя честно, къ присоединенію святой Церкви противится даже и съ грубостію въ словахъ“. Противъ такой отмѣтки преосвященный Амвросій написалъ: „Объявить іеромо-

*) Рапорт. арх. Никона отъ 20 ноября 1842 г. № 62.

наху Гринцевичу, что грубить настоятелю не должно, а всѣ наставленія его выслушивать съ кротостію и вниманіемъ надобно, Упрямство, какъ порокъ, не поведетъ къ добру, а особливо когда она соединена съ грубостію" *).

Выдерживая роль истаго, ревностнаго католика и ведя безукоризненную жизнь, іеромонахъ Гринцевичъ вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлой и твердой стопой шелъ къ той цѣли, къ которой стремилась его горячая польская душа, прилѣпившаяся всѣмъ своимъ существомъ къ католицизму. Оставаясь при всегдашнемъ своемъ искреннемъ желаніи открыто перейти въ католичество, онъ съ настойчивостію и тактомъ хорошаго дипломата отстаивалъ и свои матеріальные интересы, мѣшая ихъ съ своими религіозными тенденціями.

Поступивши въ Спасо-Преображенскій монастырь, Гервасій не успѣлъ еще оглядѣться, какъ уже и началъ свою работу. Онъ написалъ на имя преосвященнаго прошеніе, въ которомъ умолялъ ходатайствовать предъ св. Синодомъ—о чемъ, неизвѣстно. Прошеніе это Гринцевичъ упросилъ о. архимандрита переслать къ преосвященному, но дальше преосвященнаго оно не пошло. На рапортѣ Никона, при коемъ предоставлено было прошеніе, преосвященный Амвросій написалъ: „Объявите іеромонаху Гринцевичу, что я не имѣю никакого права ходатайствовать за него и по его прошенію ничего не могу сдѣлать. Прошеніе возвратите ему".—Такъ и оста-

---

*) Выписка изъ вѣд. за 1840 г. при указ. пенз. дух. конс., отъ 4 дек. 1841 г., № 4657.

лось для насъ тайной, о чемъ ходатайствовать просилъ преосвященнаго Гринцевичъ *).

Впрочемъ іеромонахъ Гринцевичъ, обращаясь чрезъ о. архимандрита къ преосвященному, хотѣлъ лишь испытать прямой и, по его мнѣнію, законный путь къ той цѣли, къ которой стремился. Состоя подъ начальствомъ епархіальной власти, въ непосредственной зависимости отъ настоятеля монастыря, онъ прежде всего обращается къ этимъ властямъ съ выраженіемъ своихъ просьбъ. Когда же этотъ прямой путь былъ загороженъ, Гринцевичъ нашелъ дорогу дальше помимо архимандрита и архіерея, и не разъ тревожилъ власти умѣньемъ—пускать свои бумаги по назначенію... Въ монастырѣ ничего не знаютъ, видятъ, что отступникъ смирно сидитъ въ своей келліи, а между тѣмъ борзая почтовая тройка таскаетъ по бѣлому свѣту первое его прошеніе: іеромонахъ Гринцевичъ жаловался, что ему, при переправѣ изъ литовской епархіи въ Краснослободскъ, не выдали „кормовыхъ денегъ". Куда была подана такая жалоба, неизвѣстно. Она всплыла наружу ужъ тогда, когда по ней сдѣлано было все, что нужно. Литовскій губернаторъ просилъ пензенскаго губернатора объявить, чрезъ кого слѣдуетъ, іеромонаху Гринцевичу, что ему не выданы были кормовыя деньги потому, что на это не было распоряженія со стороны правительства.

Прошелъ годъ. Гринцевичъ не унывалъ, не падалъ духомъ, а еще болѣе воодушевлялся. Долго не думая, а быть можетъ и долго подумавши, онъ—какъ

*) Рапорт. Никона отъ 7 мар. 1840 г. № 22.

говорится—взялъ да и закатилъ свое прошеніе, конечно, тайно отъ другихъ, въ самый дворецъ Императора... Да: онъ нашелъ возможность подать просьбу на Высочайшее имя, и въ этой просьбѣ просилъ ни больше, ни меньше какъ о томъ, чтобы ему дозволено было открыто перейти въ католичество. Государь Императоръ Николай Павловичъ, строгій ревнитель законовъ, конечно, согласія на это не изъявилъ, о чемъ и сообщено было пензенскому епархіальному начальству, а это послѣднее предписало Никону объявить Гринцевичу, что „по всеподданнѣйшему докладу господина синодальнаго оберъ-прокурора, послѣдовавшему съ просьбы того іеромонаха Гринцевича о дозволеніи ему перейти въ римско-католическое исповѣданіе, Высочайшаго соизволенія на оную не послѣдовало“*). Гринцевичъ какъ будто присмирѣлъ.

Нужно сознаться, что жизнь его за это время была не изъ пріятныхъ. Онъ получалъ, какъ мы выше говорили, лишь по 50 коп. въ мѣсяцъ. Тяготясь такимъ скуднымъ содержаніемъ, Гринцевичъ обратился къ пензенской духовной консисторіи съ просьбою о томъ, чтобы она ходатайствовала, гдѣ слѣдуетъ, о прибавкѣ ему жалованья. Но консисторія отклонила отъ себя эту просьбу, отвѣтивъ сухо, что ходатайствовать за Гринцевича она нигдѣ не можетъ**).

Продолжая безпокоить начальство, Гринцевичъ не забывалъ и своего главнаго дѣла. Имѣя между

*) Указ. пенз. дух. кон. отъ 12 мар. 1841 г. № 872.

**) Указ. пенз. дух. кон. отъ 30 сент. 1841 г. № 3543.

своими единомышленниками искреннихъ друзей, онъ велъ съ ними дѣятельную переписку. Простодушное краснослободское монашество, конечно, и не подозрѣвало того, что и переписка можетъ быть такимъ же вреднымъ дѣломъ, какъ вредныя слова: какое, дескать, намъ дѣло, пускай переписывается, коли грамотный. А на дѣлѣ-то вышло—и тутъ бѣда!... Разъ Гринцевичъ послалъ на польскомъ языкѣ письмо своему собрату по крови и убѣжденіямъ, іеромонаху Виктору Босяцкому, находившемуся въ путивльской молчанской Сафроніевой пустыни, курской губерніи. Письмо это какими-то путями попало въ руки оберъ-прокурора св. Синода графа Протасова. Оказалось, что и въ письмахъ Гринцевичъ тотъ-же католикъ—іезуитъ. Гервасій писалъ Босяцкому, что онъ находится въ перепискѣ съ Викентіемъ Павловскимъ, который жилъ тогда въ пензенскомъ монастырѣ,— что онъ по-прежнему крѣпокъ въ приверженности къ католицизму и проч. Оберъ-прокуроръ отношеніемъ далъ знать преосвященному Амвросію, что переписка между собою лицъ, подобныхъ Гринцевичу съ Босяцкимъ, „безъ вѣдома ихъ начальства, не можетъ быть допускаема—тѣмъ болѣе, что чрезъ оную (переписку) они другъ друга подстрекаютъ къ упорству", и просилъ „учинить распоряженіе, чтобы за перепискою Гринцевича было строго наблюдаемо.— Распоряженіе такое и учинено, и по распоряженію исполненіе—исполнено до крайности усердно: Гринцевичу запретили всякую переписку—ни къ нему писемъ, ни отъ него писемъ—чтобъ не было ничего. Причиной такого радикальнаго искорененія какихъ-либо сношеній Гринцевича съ друзьями былъ, ка-

жется, употреблявшійся для переписки несчастный польскій языкъ, котораго не понимали ни настоятель, ни его братія. Не зная, о чемъ пишетъ отступникъ, настоятель безъ дальнихъ думъ взялъ да и запретилъ ему всякую переписку, т. е. употребилъ одинъ изъ тѣхъ житейскихъ пріемовъ, по которымъ хозяинъ, чтобы не было воровъ, задѣлываетъ на глухо и окна, и двери... Но вотъ Гринцевичу начали высылать откуда-то деньги—какъ тутъ быть?—денежную корреспонденцію остановить нельзя. Никонъ донесъ объ этомъ преосвященному, описавши подробно, какъ онъ поступаетъ съ перепискою о. Гервасія, а преосвященный донесъ оберъ-прокурору Синода графу Протасову. Оберъ-прокуроръ отвѣчалъ, что распоряженія отца архимандрита нѣсколько стѣснительны... Относительно „пособій", получаемыхъ на имя Гринцевича, оберъ-прокуроръ писалъ, что Гринцевичъ можетъ получать эти пособія, лишь бы было извѣстно, отъ кого онѣ идутъ. Относительно же переписки оберъ-прокуроръ выразился опредѣленнѣе. „Чтоже касается до переписки Гринцевича, говорилось въ отношеніи оберъ-прокурора, то оной также не слѣдуетъ воспрещать—съ тѣмъ только, чтобы она не заключала въ себѣ ничего вреднаго: почему всѣ письма къ нему и отъ него, прежде доставленія по назначенію, должны быть представляемы настоятелемъ на разсмотрѣніе Его Преосвященства; въ случаѣ же встрѣченныхъ особенныхъ сомнѣній, отъ усмотрѣнія Его Преосвященства зависѣть будетъ представлять оныя письма ко мнѣ" *), т. е. къ оберъ-прокурору св. Синода.

*) Указ. пенз. дух. конс., отъ 7 іюн. 1842 г., № 2537

Казалось бы, что теперь уже всѣ пути были заперты для поляка—борзописца; но—нѣтъ, Гринцевичъ не бросилъ своего пера. Онъ снова, какъ два года назадъ, уговорилъ архимандрита Никона переслать къ преосвященному Амвросію его прошеніе, въ которомъ просилъ въ свою очередь преосвященнаго переслать прошеніе его—Гринцевича къ оберъ-прокурору. О чемъ же на этотъ разъ просилъ Гринцевичъ оберъ-прокурора св. Синода?—просилъ почти о томъ же, о чемъ хлопоталъ онъ прежде. Прежде онъ хотѣлъ принять католичество открыто, хотѣлъ грудью добиться того, къ чему стремилась его горячая душа; теперь же, когда это оказалось невозможнымъ, онъ рѣшился избрать другой, болѣе скромный путь—быть католикомъ хоть по крайней мѣрѣ тайно. Но это было очень неудобно въ той средѣ, въ какую заперли вѣрнаго сына папы: нужно было перемѣнить мѣсто жительства. Объ этомъ-то Гринцевичъ и просилъ оберъ-прокурора; онъ желалъ изъ краснослободскаго монастыря перейти въ уніатскій монастырь въ Курскъ. Но такую просьбу надобно же было чѣмъ нибудь обставить,—надобно было найти предлогъ, чтобы уйти изъ Краснослободска къ своимъ поближе. Но какой же предлогъ можетъ быть благовиднѣе нездоровья?—я, дескать, имѣю разстроенный организмъ, хвораю—пустите меня туда, меня тамъ будутъ лечить.—Получивши прошеніе Гринцевича, преосвященный, какъ видно изъ дѣла, задумался и не зналъ что дѣлать. Онъ сдалъ оба прошенія Гринцевича въ консисторію съ такой резолюціей: „Разсмотрѣть, нужно-ли мнѣ препроводить прошеніе Гринцевича къ господину Синодальному оберъ-

прокурору, или ему самому предоставить оное отправить". Консисторія отвѣчала: „Обитель, куда желаетъ перемѣщенія іеромонахъ Гринцевичъ, принадлежитъ уніатамъ. Изъ этого видно, что онъ, Гринцевичъ, ищетъ не способовъ для излеченія себя отъ болѣзни, но жизни болѣе свободной, для укорененія себя между своими единомышленниками въ своемъ заблужденіи. А поелику онъ, Гринцевичъ, утруждалъ уже о дозволеніи ему перейти въ римско-католическое исповѣданіе Государя Императора, но Высочайшаго соизволенія на то.... не послѣдовало, а между тѣмъ епархіальному начальству вмѣнено въ обязанность имѣть строгое наблюденіе и за самою перепискою Гринцевича съ подобными ему лицами, и—потому настоящую просьбу его, какъ противную по содержанію своему распоряженіямъ высшаго начальства, Консисторія препроводить къ господину Синодальному оберъ-прокурору никакого права не имѣетъ, да и самому ему, Гринцевичу, на пересылку таковой просьбы дать разрѣшенія не можетъ" *).

Вотъ тутъ-то о. Гервасій, наконецъ, понялъ, что ему нечего ждать ни отъ консисторіи, ни отъ преосвященнаго, ни отъ синодальнаго оберъ-прокурора, ни отъ самого Императора. Но тягучая его натура и тутъ не остановилась. Оставалось одно, хотя и не очень вѣрное средство—заставить за себя ходатайствовать о. настоятеля, архимандрита Никона. Неизвѣстно, какая въ немъ произошла перемѣна—что нибудь одно изъ двухъ: или онъ ужъ слишкомъ разжалобилъ своего настоятеля, или ужъ слишкомъ

*) Указ. пенз. дух. кон., отъ 27 февр. 1842 г., № 743.

раздразнилъ,—только Никонъ счелъ нужнымъ сдѣлать о Гринцевичѣ особое представленіе въ такомъ тонѣ: „отецъ-де Гервасій не только не поддается вліянію моихъ убѣжденій, но еще больше ожесточается,—что ему необходимо перемѣнить мѣсто жительства,—что съ перемѣной монастыря, быть можетъ, послѣдуетъ перемѣна и въ образѣ его мыслей и проч.*) Но это представленіе Никона оставлено было безъ удовлетворенія.

Прошли 1843, 1844 и наконецъ 1845 года. О Гервасіѣ Гринцевичѣ ни слуху, ни духу, точно его и нѣтъ въ монастырѣ. Но вотъ въ декабрѣ 1845 года получается указъ: „Упорнаго іеромонаха Гервасія Гринцевича выслать въ консисторію для отсылки, согласно указу святѣйшаго Синода, въ саратовскую губернію на жительство“ **)...

Свящ. **І. Бѣляевъ**.

ДУХОВНЫЕ ЖУРНАЛЫ.

„Православное Обозрѣніе“. Мартъ. *„Изъ чтеній по философіи религіи. Политеизмъ“*, *Кудрявцева-Платонова*. Въ первой половинѣ изслѣдованія***) авторъ обосновалъ и доказалъ ту мысль, что первоначальная религія должна быть если не по формѣ, то качественно совершенною, монотеистическою. Религія, по самому существу своему, предполагаетъ два элемента: объективный и субъективный, — божественное воздѣйствіе на духъ человѣка и воспріятіе этого воздѣй-

*) Рапор. арх. Никона, отъ 22 іюня 1842 г., № 34.
**) Указ. пенз. дух. конс., отъ 18 дек. 1845 г., № 4340.
***) См. № 8-й Епарх. Вѣд.

ствія человѣкомъ, самостоятельное участіе познавательныхъ силъ въ развитіи религіи. Въ идеальной или нормальной формѣ религіи оба эти элемента должны находиться въ гармоническомъ равновѣсіи. Это равновѣсіе не требуетъ, конечно, абсолютной неподвижности религіи; тотъ и другой элементы могутъ гармонически развиваться и осуществлять собою большую и большую полноту и широту религіознаго сознанія. Но иное дѣло идеалъ, иное—фактическое его осуществленіе. Въ религіи человѣкъ находится въ свободномъ отношеніи къ высочайшему объекту и можетъ осуществлять и нѣтъ идеалъ религіи; отсюда—нормальное движеніе религіознаго сознанія на дѣлѣ могло и не осуществляться. Уклоненіе человѣка отъ нормальной религіи могло состоять въ колебаніи равновѣсія между двумя элементами религіи—объективнымъ и субъективнымъ, въ преобладаніи одного изъ нихъ и въ вызванномъ этимъ преобладаніемъ усиленіи дѣйствія другого элемента съ цѣлію возстановить потерянное равновѣсіе. Вслѣдствіе удаленія человѣка отъ нормы религіозной жизни, сознаніе человѣка необходимо должно было раздвоиться и религіозная жизнь течь по двумъ направленіямъ: съ одной стороны мы видимъ естественный процессъ развитія религіознаго сознанія, выражающійся въ различныхъ формахъ такъ—называемыхъ естественныхъ, языческихъ религій, съ другой—мы находимъ постепенное сверхъестественное дѣйстіе Божества, выразившееся въ религіи откровенной. Предметомъ настоящаго изслѣдованія авторъ ставитъ естественное развитіе религіознаго сознанія, совершавшееся внѣ сферы религіи откро-

венной и выразившееся, съ одной стороны, въ разнообразныхъ языческихъ религіяхъ, съ другой— въ философскихъ понятіяхъ объ основныхъ истинахъ религіознаго сознанія.

Какимъ же образомъ могъ совершиться переходъ отъ болѣе высокой и совершенной религіи къ низшей ея формѣ, отъ монотеизма къ политеизму, въ чемъ источникъ и жизненная сила политеизма? При самомъ общемъ взглядѣ на политеизмъ, въ немъ ясно выступаютъ двѣ характеристическія черты, отличающія его отъ истиннаго религіознаго и философскаго понятія о Богѣ: первая та, что онъ признаетъ *многихъ* боговъ вмѣсто одного; вторая та, что этихъ боговъ онъ *представляетъ* въ различныхъ чувственныхъ образахъ и формахъ, заимствуя эти образы отъ различныхъ предметовъ и явленій природы и жизни человѣка. Какой же изъ этихъ элементовъ коренной, первоначальный и истинно-существенный въ политеизмѣ? Многобожіе не можетъ существовать внѣ чувственной формы и безъ нея, какъ философское напр. ученіе; какъ скоро мысль человѣка сознаетъ несоотвѣтствіе чувственныхъ представленій о Божествѣ,—рушится и самый политеизмъ, мысль человѣка тотчасъ приходитъ къ понятію о единомъ Богѣ. Очевидно, что чувственная форма представленія находится въ тѣсной связи съ содержаніемъ политеизма, съ мыслею о многихъ богахъ. Дѣйствительно, если ближе всмотрѣться въ эту характеристическую для политеизма форму, то увидимъ, что въ ней кроется главная причина того, что человѣкъ раздробилъ идею о Богѣ на представленія о многихъ богахъ. Свойство чувственной формы познанія именно таково,

что она представляетъ мысль, предметъ въ ограниченномъ временемъ и пространствомъ образѣ, по подобію какого-либо предмета или явленія видимой, чувственной природы. То же самое происходитъ и съ религіозной идеей, когда она сдѣлается исключительнымъ достояніемъ познавательныхъ силъ человѣка; процессъ дальнѣйшаго раскрытія этой идеи, очевидно, можетъ состоять только въ томъ, что различныя, мало по-малу выступающія въ религіозномъ сознаніи стороны этой идеи будутъ являться въ видѣ отдѣльныхъ, конкретныхъ образовъ, въ видѣ многихъ боговъ. Правда, и первобытный монотеизмъ сопровождался иногда чувственною формою богопредставленія; такъ мы знаемъ, что въ религіи народа еврейскаго чувственныя черты въ изображеніи божества не препятствовали единобожію: не слѣдуетъ-ли отсюда, что представительная форма религіознаго знанія не всегда сопровождается политеизмомъ? Относительно этого надо замѣтить, что здѣсь рѣчь идетъ о естественномъ религіозномъ сознаніи; факты изъ исторіи религіознаго сознанія, развившагося подъ вліяніемъ сверхъестественнаго фактора, въ этомъ случаѣ не имѣютъ значенія; этотъ сверхъестественный факторъ является; прежде всего, *сдерживающимъ* естественный процессъ разложенія идеи о единомъ Богѣ на представленія о многихъ богахъ; безъ этого сдерживающаго элемента антропоморфическія представленія о единомъ Богѣ среди еврейскаго народа не замедлили бы перейти въ чувственно-языческія. Такимъ образомъ причина происхожденія политеизма заключается въ нарушеніи равновѣсія между двумя факторами религіи. Предо-

ставленный самому себѣ, отвергая объективный элементъ религіи, человѣкъ въ своей религіозной жизни долженъ былъ подчиниться необходимому закону развитія своихъ познавательныхъ силъ. Особенность представленія, какъ первоначальной познавательной формы человѣка, и состоитъ именно въ томъ, что оно раздробляетъ, представляетъ въ конкретныхъ образахъ единую, живую мысль. Идея единаго Бога, подчинившись господству этой формы, необходимо должно было раздробиться въ многообразныя политеистическія представленія и политеизмъ стать всеобщею естественною религіею. Если форма представленія есть форма необходимая, если она распространяетъ свое владычество на область знанія религіознаго, точно такъ же какъ и на другія сферы знанія, то вполнѣ понятно, что она должна быть единственною и незамѣнимою никакою другою высшею формою на извѣстной ступени умственнаго развитія человѣка и человѣчества. Если представимъ теперь что на этой стадіи умственнаго развитія стоялъ нѣкогда весь родъ человѣческій и въ настоящее время находится едва ли не большая часть человѣчества по своему умственному младенчеству, то для насъ будетъ ясно и обширное распространеніе и устойчивость до извѣстнаго времени политеистической формы религіознаго сознанія. Только законосообразностію, необходимостію этой формы можетъ быть объяснено съ одной стороны то, на первый взглядъ странное явленіе, что хранившіеся въ язычествѣ слѣды ученія о единомъ Богѣ не получили никакого дальнѣйшаго развитія, а съ другой—ту вражду, съ какою менѣе развитое большинство встрѣ-

чало возвысившихся надъ этою формою провозвѣстниковъ высшихъ и болѣе чистыхъ религіозныхъ понятій, напр. Сократа и Анаксагора.

Указавши коренную причину происхожденія политеизма, авторъ далѣе выясняетъ другія, благопріятствовавшія его возникновенію, условія, изъ которыхъ важнѣйшія—нравственныя и историческія. Часто указывали на нравственное паденіе и развращеніе человѣка какъ на главну причину искаженія истины и возникновенія политеизма. Нравственно развращенный человѣкъ естественно создалъ себѣ и боговъ по своему образу и подобію,—боговъ съ тѣмъ же чувственнымъ характеромъ, съ такими же страстями, какія находитъ въ самомъ себѣ. Что нравственныя причины могли имѣть значительное вліяніе на поддержку и развитіе политеизма, это конечно вѣрно. Удаленіе человѣка отъ Бога неизбѣжно поколебало весь строй духовной природы человѣка, и въ измѣнившемся нравственномъ состояніи онъ могъ находить не только поддержку своимъ ложнымъ теоретическимъ представленіямъ о Богѣ, но и возбужденіе къ созданію новыхъ представленій, болѣе благопріятствующихъ его нравственному строю. Но и признавая такое значеніе нравственныхъ причинъ, нельзя не видѣть, что изъ одного этого элемента не можетъ быть объяснено первоначальное происхожденіе политеизма, какъ ученія о многихъ богахъ. Предполагаемый нравственный или точнѣе—безнравственный интересъ людей въ дѣлѣ религіи точно также могъ быть удовлетворенъ, еслибы и единому Богу приписаны были какія-либо недостойныя Его, противонравственныя и чувственныя черты. Мысль

о многихъ богахъ есть мысль попреимуществу теоретическая, не возбуждающая никакого особеннаго нравственнаго интереса. Если въ язычествѣ богамъ приписывались иногда противонравственныя черты, то это происходило главнымъ образомъ отъ теоретической неясности нравственнаго идеала,— неясности, на происхожденіе которой могло имѣть нѣкоторое вліяніе и нравственное состояніе человѣка. Одною изъ главныхъ историческихъ причинъ происхожденія и развитія политеизма было раздѣленіе и обособленіе племенъ съ разселеніемъ ихъ изъ первоначальнаго центральнаго отечества. Съ разъединеніемъ племенъ, идея единаго божества стала принимать у каждаго племени особенныя, зависящія отъ мѣстныхъ этнографическихъ условій, черты. Единое Божество стало особымъ, единичнымъ божествомъ каждаго особаго племени; Божество стало богомъ ограниченной помѣщеніемъ племени и его интересами области; у человѣка не возникало даже вопроса: что такое божество сосѣдняго племени и въ какомъ отношеніи стоитъ оно къ его собственному,— одно ли оно и то же, или нѣтъ? Первоначальный монотеизмъ такимъ образомъ могъ измѣниться прежде всего въ монотеизмъ племенной. Но съ развитіемъ человѣчества, когда племена начали соединяться въ народы и государства, боги различныхъ племенъ вдругъ стали лицемъ къ лицу, соединились въ одну группу такъ же, какъ соединились отдѣльныя, чтившія ихъ племена въ одинъ народъ. Сольются-ли эти боги въ одно божество, какъ отдѣльныя племена слились въ одинъ народъ? Нѣтъ, это не могло случиться въ силу именно неудержимаго склоненія къ

раздробленію, характеристическаго для представительной формы религіознаго сознанія. Представленія о Богѣ, вслѣдствіе самостоятельнаго развитія каждаго племени, стали уже очень различны; одно и то же единое Божество въ сознаніи различныхъ племенъ получило уже различныя черты и при сближеніи племенъ сохраняло свою самостоятельность и свой конкретный образъ. Такимъ образомъ, вмѣсто племеннаго единобожія явилась совокупность многихъ боговъ,—явился политеизмъ.

Коренная особенность политеизма, объясняющая какъ его сущность, такъ происхожденіе и распространеніе его, заключается въ познавательной формѣ *представленія*, которая необходимо вела религіозное сознаніе къ раздробленію идеи единаго Бога на представленія о многихъ богахъ. Форму представленія по отношенію къ религіозному содержанію принято называть *миѳологическою*, а совокупность религіозныхъ вѣрованій, облеченныхъ въ эту форму—*миѳологіею*. Вопросъ о значеніи миѳовъ во всей своей опредѣленности, очевидно, могъ возникнуть только тогда, когда начала колебаться и ослабѣвать непосредственная и живая вѣра въ истину политеизма. Въ Греціи это ослабленіе шло параллельно самостоятельному развитію философскаго мышленія; въ языческомъ мірѣ различныя теоріи объясненія миѳовъ принадлежатъ преимущественно Стоической школѣ. Въ христіанскомъ мірѣ, только съ семнадцатаго столѣтія, встрѣчаются систематическія попытки объясненія миѳологіи. Во всей опредѣленности вопросъ о значеніи политеистической формы религіознаго сознанія могъ возникнуть только тогда, когда, съ

одной стороны, историческое изслѣдованіе, не ограничиваясь одною классическою древностію, простерлось и на другія религіи древняго и новаго времени, а съ другой—когда на миѳологію было обращено должное вниманіе философіей. Родоначальникомъ новаго направленія въ изслѣдованіи миѳологіи должно признать Канта, который въ своемъ сочиненіи—„Религія въ предѣлахъ чистаго разума“—старался опредѣлить не только основное понятіе религіи, но и философское значеніе специальныхъ формъ религіознаго сознанія. Со времени Гегеля наука страдаетъ скорѣе изобиліемъ, чѣмъ недостаткомъ различныхъ теорій и попытокъ представить философію миѳологіи. Всѣ эти попытки, не смотря на ихъ различіе, могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ типамъ, опредѣляемымъ преимущественно различіемъ взглядовъ на сущность религіи вообще. Тѣ философы, которые не признавали вообще объективной истины религіи и считали ее искуснымъ вымысломъ законодателей, мудрецовъ и жрецовъ, должны были смотрѣть и на миѳологію какъ на искусственный покровъ чуждыхъ религіи истинъ. Первая, непосредственно останавливающая на себѣ наше вниманіе, въ миѳологіи черта состоитъ въ томъ, что такъ—называемые боги очень похожи на людей: они рождаются, вступаютъ въ бракъ, рождаютъ дѣтей, руководятся человѣческими мотивами и страстями. Но суть ли на самомъ дѣлѣ эти боги образы людей? Этотъ оттѣнокъ миѳологіи былъ поводомъ къ образованію теоріи, которую можно назвать *исторической*. По этой теоріи боги, дѣйствующіе въ миѳахъ, суть обыкновенные люди: цари,

законодатели, герои, основатели колоній. Но, прежде всего, эта теорія въ своей основѣ держится на совершенно ложномъ и поверхностномъ понятіи о религіи, какъ случайномъ обоготвореніи людей, такъ что не понятно, какимъ образомъ и по какому недоразумѣнію люди могли живыя историческія лица счесть за боговъ, приписать имъ сверхъестественныя дѣянія? Далѣе, историческій элементъ если и входитъ въ миѳы, то въ такой незначительной долѣ, что только одно увлеченіе можетъ заставить видѣть въ немъ что-либо существенное. Большинство миѳовъ и притомъ самыхъ важныхъ съ перваго же взгляда обнаруживаетъ свой религіозный смыслъ, какъ въ названіяхъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и въ самомъ характерѣ ихъ дѣйствій. Очень можетъ быть, что внѣшнимъ поводомъ къ образованію многихъ миѳовъ были историческія событія, но у толкователя нѣтъ твердыхъ правилъ, чтобы открыть слѣды ихъ и отдѣлить отъ вымысла; отсюда—историческое толкованіе миѳовъ часто доводитъ приверженцевъ его до смѣшныхъ крайностей. Другая наиболѣе распространенная теорія объясненія миѳовъ—теорія физическаго толкованія миѳовъ, разработанная въ древности преимущественно у стоиковъ. Стоики въ народной религіи видѣли олицетвореніе различныхъ элементовъ, силъ и явленій природы. Въ новѣйшее время теорія физическаго объясненія миѳовъ также имѣетъ довольно многочисленныхъ послѣдователей, каковы, напр., извѣстные филологи Гейне и Германъ. Первоначальное содержаніе миѳологіи, по мнѣнію Гейне, есть рядъ, болѣе или менѣе, связныхъ философемъ объ образованіи вселенной. Такъ,

напр., когда миѳъ говоритъ, что Зевсъ лишилъ своего отца Кроноса престола и мужеской силы, то это значитъ, что творческая природа долгое время производила только дикое, чудовищное, неорганическое. Воззрѣніе на миѳологію Гейне съ большею отчетливостію проведено Германомъ, который старался дать прочное филологическое основаніе его теоріи. Какъ скоро мы станемъ разбирать имена боговъ, говоритъ Германъ, то прежде всего оказывается, что они имѣютъ филологическое значеніе, за тѣмъ внимательный анализъ этого значенія показываетъ, что эти имена суть не что иное, какъ предикаты формъ, силъ, явленій и дѣйстій природы. Миѳологія это—работа мужей, наблюдавшихъ явленія природы и выработавшихъ изъ своихъ наблюденій теорію происхожденія и связи вещей. Ихъ методъ изслѣдованія природы состоялъ въ отыскавіи отличительнаго предиката каждаго предмета, чтобы такимъ образомъ достигнуть точнаго понятія о немъ. Такъ напр., чтобы имѣть понятіе о снѣгѣ, нужно открыть характеристическій его признакъ, отличить его отъ понятій соприкосновенныхъ и показать взаимную ихъ связь. Для этой цѣли древніе мудрецы обратили мниманіе на три вида дурной погоды: снѣгъ, дождь, градъ. Касательно града они замѣтили то, что онъ шумитъ, поэтому они могли назвать его шумящимъ. О дождѣ замѣчали, что онъ дѣлаетъ борозды или рытвины на поляхъ, и вотъ онъ названъ дѣлателемъ бороздъ, и отъ этого названія произошло имя второго исполина Гезіодовой космогоніи. При оцѣнкѣ подобныхъ теорій, прежде всего, нужно замѣтить, что въ этихъ толкованіяхъ можно

найти столько же остроумія, сколько и натяжекъ; при богатствѣ и разнообразіи миѳовъ, какъ скоро допущено будетъ аллегорическое объясненіе подъ вліяніемъ какой-либо предвзятой идеи, открывается широкое поле для произвола и остроумія толкователя. О миѳахъ, какъ замѣтилъ Шеллингъ, тогда труднѣе сказать, что они не значатъ, чѣмъ то, что они значатъ. Подвести всю миѳологію подъ эту теорію рѣшительно невозможно; сами защитники ея или берутъ только важнѣйшіе миѳы, или миѳологію представленную въ извѣстной формѣ. Все это показываетъ, что если и есть въ миѳологіи физическій элементъ, то это не болѣе какъ одинъ изъ входящихъ элементовъ, одна сторона миѳологіи; тогда какъ главный элементъ миѳологіи—религіозный въ этой теоріи упускается изъ виду. „Ставя элементъ случайный и второстепенный на мѣсто главнаго, защитники разсматриваемой теоріи поэтому не могутъ удовлетворительно объяснить ни причины появленія космологическихъ представленій въ странной, повидимому, для нихъ формѣ олицетвореній и миѳическихъ изображеній, ни перехода этихъ представленій въ религіозныя съ такимъ полнымъ забвеніемъ первоначальнаго ихъ смысла, что нужны были тысячи лѣтъ труда науки, чтобы открыть ихъ истинное значеніе". Развитіемъ и доказательствомъ этихъ критическихъ указаній противъ названной теоріи объясненія миѳовъ авторъ и заканчиваетъ первую статью о политеизмѣ.

Изъ посмертныхъ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина. (Рѣчь произнесенная въ публичномъ собраніи Имп. моск. университета). Съ свойственною автору живостію и

глубиною мысли, онъ характеризуетъ въ настоящей рѣчи дѣятельность двухъ замѣчательныхъ въ нашей церковной жизни лицъ,—Стефана Яворскаго и Ѳ. Прокоповича и вмѣстѣ рельефно рисуетъ эпоху ихъ дѣятельности, время, когда Россія выдерживала напоръ двухъ религіозныхъ направленій запада—католицизма и протестантизма. Въ XVII столѣтіи въ одно и то же время католики и протестанты обращаются къ православной Церкви, изъявляютъ готовность сблизиться и доносятъ на общаго врага: католики на протестантовъ, протестанты на католиковъ. Они потеряли надежду когда нибудь примириться, они поняли, что требованія ихъ противоположны,—и между тѣмъ они сходятся въ надеждѣ обратить православныхъ; обѣ стороны въ православныхъ видятъ своихъ будущихъ союзниковъ. Существенная разность католицизма и протестанства—въ опредѣленіи существа Церкви. „Церковь выражаетъ свое сознаніе, опредѣляя себя какъ духовное тѣло. Глава этого тѣла Христосъ, всѣ вѣрующіе—его члены, одушевляетъ его Духъ Святый". Въ католицизмѣ и протестантизмѣ мы не находимъ осуществленной идеи Церкви во всей ея полнотѣ. Католицизмъ въ фактѣ Церкви понялъ и удержалъ моментъ единства; это единство неосуществляется во множествѣ, оно носится надъ нимъ, какъ отвлеченное отъ него. Идея отвлеченнаго единства можетъ быть удержана только посредствомъ символа, такимъ символомъ единства для католицизма служитъ лицо папы. Между папою и членами католической Церкви скоро открылась цѣлая бездна; въ строгомъ смыслѣ католики получили значеніе не членовъ Церкви, а

подданныхъ ея; мѣсто имъ отведено не въ ней, а подъ нею. Скоро затѣмъ изъ католической Церкви, царства вѣры и любви, образовалось царство знанія и права. Но противъ односторонне понятой идеи единства возстала столь же односторонне понятая идея множества. Протестанты, оторванные отъ западной Церкви, отрицали ее, вмѣстѣ съ нею они отрицали идею объективной Церкви вообще. Духъ Божій, говоритъ протестантизмъ, живетъ въ каждомъ отдѣльно взятомъ лицѣ, слѣдовательно каждое отдѣльное лицо само себѣ церковь, и нѣтъ единой объективной Церкви, есть множество лицъ, связанныхъ между собою только единствомъ стремленій. При такихъ крайностяхъ католицизма и протестантства понятно, что наша Церковь представлялась имъ какою-то неопредѣленною, безразличною сферою, какимъ-то совмѣщеніемъ двухъ противорѣчій. Доказать это противорѣчіе, двинуть православіе на одинъ шагъ впередъ, въ этомъ заключалась ихъ общая цѣль, въ этомъ ихъ притязанія, по ихъ мнѣнію, законныя. Въ эту трудную для Россіи минуту, когда шла борьба о томъ, устоитъ ли православная Церковь въ своей цѣлости и этимъ самымъ обличитъ въ односторонности вѣроисповѣданія западныя,—въ самый разгаръ этой борьбы явились Ст. Яворскій и Ѳ. Прокоповичъ. Они совмѣстили въ себѣ все то, что было совершено другими на томъ же поприщѣ, лучше и полнѣе другихъ они представляютъ собою стремленія и степень религіознаго сознанія своего времени, они были героями этой великой борьбы. Какъ же поняли они и какъ исполнили свое призваніе? „Односторонность нападенія, говоритъ авторъ,

отозвалась въ односторонности защиты. Стефанъ Яворскій обратился лицемъ къ протестантизму, Ѳеофанъ Прокоповичъ—лицемъ къ католицизму. Они стали спиною другъ къ другу, они пошли по двумъ расходившимся путямъ и никогда не могли встрѣтиться. Оба были преданы Церкви; оба защищали ее, но противъ разныхъ враговъ... Стефанъ Яворскій понялъ въ православіи и выразилъ начало антипротестантское, Ѳ. Прокоповичъ понялъ и выразилъ начало антикатолическое, и на того и на другого палъ слабый отблескъ односторонности, противоположной той, съ которою онъ имѣлъ дѣло".

Кромѣ названныхъ статей, въ настоящей книжкѣ „Пр. Обозр." печатаются слѣдующія: *„Натуралистъ Уоллесъ, его русскіе переводчики и критики"* А. Ѳ. *Гусева*. *„Христосъ"*, публичныя чтенія *Эрнеста Навиля*. Чтеніе первое: сущность вопроса. *Поэма Виктора Гюго „Папа"*.

По поводу „духовно-литературныхъ курьезовъ".

Пустота и безсодержательность замѣтки, помѣщенной въ 67 № Ц. О. В. подъ выписаннымъ выше заглавіемъ не подали бы намъ повода отвѣчать на нее, если-бы она не была перепечатана въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, которыя увлечены были къ перепечатанію ея, конечно, ничѣмъ другимъ, какъ мѣстнымъ интересомъ. Очень сожалѣемъ, что редакція оказалась столь неразборчивою въ перепечаткахъ и такъ мало оцѣнила достоинство заимствованнаго. Людей не умѣющихъ критически относиться къ печатному слову и малосвѣдующихъ въ педагогическомъ дѣлѣ эта перепечатка можетъ лишь ввести въ соблазнъ и подать имъ поводъ

къ глумленію надъ тѣмъ, что не заключаетъ въ себѣ ничего курьезнаго. Заниматься отыскиваніемъ курьезовъ мы спокойно можемъ предоставить тѣмъ, которые не имѣютъ болѣе серьезнаго занятія; находить курьезы тамъ, гдѣ нѣтъ и намека на курьезъ, также предоставляемъ тѣмъ, которые въ своемъ самообольщеніи считаютъ себя довольно остроумными. Въ статьѣ о физическомъ воспитаніи, въ частности объ одеждѣ, какъ объ одномъ изъ условій тѣлеснаго здоровья, говорится, что такая-то одежда удовлетворительна съ гигіенической точки зрѣнія, а такая-то нѣтъ, что употребленіе корсетовъ не можетъ быть одобрено, употребленіе нижняго бѣлья (подштанниковъ) раціонально и проч. Спросите любаго врача, что же тутъ курьезнаго? Рекламъ, Бокъ говорятъ обо всемъ этомъ. Неужели и они курьезники? *) Если точка зрѣнія автора замѣтки вѣрна, то мы посовѣтовали бы ему обратиться къ вышепоименованнымъ Рекламу, Боку и ихъ собратьямъ; тамъ онъ найдетъ пищи для своего остроумія столько, что достанетъ для каждаго № Ц. О. В.

Авторъ замѣтки, какъ видно, больше всего гоняется за словами и выраженіями. Его смущаютъ выраженія: нижнее бѣлье (подштанники), корсетъ, юбка и проч. Упомянувъ о штанахъ и подштанникахъ, дѣтски наивный и дѣвически стыдливый авторъ замѣчаетъ въ скобкахъ: „извините читатели! слова не наши“. А интересно было бы, если-бы онъ поименованные предметы назвалъ *своими* словами, да и вообще придумалъ бы хоть одно *свое* слово. Можетъ быть, тогда вышло бы что нибудь дѣйствительно курьезное. Ни одинъ гигіенистъ не стыдится употреблять эти названія.

---

*) Въ Губ. Вѣд. гдѣ перепечатана замѣтка, помѣщена статья врача г. Соколова „Совѣтъ беременнымъ и уходъ за ними“, гдѣ упоминается не только о юбкѣ и о корсетѣ, но и о содержаніи грудей и сосковъ и проч. Что-же это для курьеза или для опроверженія перепечатаннаго курьеза?...

Мы не смѣемъ предположить, чтобъ авторъ замѣтки былъ настолько умственно несостоятеленъ, *) чтобы соединялъ съ упомянутыми словами другія представленія, чѣмъ тѣ, которыя должны быть съ ними соединяемы. Вся причина смущенія коренится ни въ чемъ другомъ, какъ въ извращенномъ и загрязненномъ нравственномъ чувствѣ. Но предполагать въ своихъ читателяхъ такія грязныя чувства, которыя, видимо, пробудились у автора замѣтки, мы не имѣли ни основаній, ни повода. Когда мы говорили объ относительной полезности того или другого рода пищи, то почему же авторъ не соблаговолилъ причислить и это къ „курьезамъ“ и не возмутился духомъ? Каждый мальчикъ знаетъ штаны и подштанники, а дѣвочка юбку и корсетъ, какъ каждый и каждая изъ нихъ знаютъ хлѣбъ, овощи, мясо, молоко, грибы и проч. Почему же о видахъ пищи говорить можно, а о видахъ одежды нѣтъ, иначе выйдетъ курьезъ? Неужели безполезно знать относительную полезность всего этого? Неужели безполезно знать, что относится къ тѣлесному нашему благосостоянію? Считаютъ благодѣтелями тѣхъ, которые содѣйствуютъ распространенію въ народной массѣ знаній ухода за животными. А знаніе правилъ, относящихся къ здоровью *человѣка*, относительно безполезно? Пощадите человѣка, пощадите его здравый смыслъ. Гербертъ Спенсеръ, устанавливая относительную цѣнность знаній, на первомъ мѣстѣ поставилъ тѣ, *которыя непосредственно способствуютъ нашему самосохраненію.* (Воспитаніе умств., нравств. и физич., стр. 16). И эта классификація, имѣющая глубокія основанія, признается вѣрною и истинною въ педагогическомъ мірѣ (см. въ

*) Недоумѣваемъ только, какъ онъ не понялъ, что въ выраженіи—поясомъ, приклѣющимъ—опечатка вм. прикрѣпляющимъ. Можетъ быть, впрочемъ, это лишь придирка для усиленія мнимаго курьеза!?

„Народной школѣ" за 1879 г. и „Семьѣ и Школѣ" за 1878 г. статьи объ этомъ). Неужели полезнѣе этого будетъ, наприм., знаніе, что Александръ Македонскій былъ герой, предпринималъ нѣсколько походовъ и во всѣхъ остался непобѣдимъ, или др. т. под.? Замѣтка даетъ намъ право основательно предположить, что авторъ ея не имѣетъ ясныхъ понятій объ относительной цѣнности знаній, что онъ взялся за дѣло ему чуждое. „Бѣда коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги точать пирожникъ". Къ сожалѣнію, какъ замѣтилъ еще великій русскій педагогъ К. Д. Ушинскій, педагогія—такая область, что въ нее каждый суется, и чѣмъ кто меньше знакомъ съ ней, тѣмъ дѣло воспитанія кажется ему понятнѣе (Антропологія, т. 1, предисловіе).

Редакція Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, перепечатывая замѣтку Ц. О. В., благоразумно кое-что пропустила; такъ она пропустила выраженіе: „какая женщина носитъ нынче кринолины?" по поводу котораго авторъ также глумится. Самымъ пропускомъ этого мѣста она уже вычеркнула это изъ числа курьезовъ. Правда, кринолинъ почти уже вышелъ изъ употребленія и столичный житель, можетъ быть, уже и не видитъ его. Но въ провинціи онъ и до сихъ поръ встрѣчается. Упомянуть объ немъ не значитъ сказать небылицу. Еслибы онъ и совершенно вышелъ изъ употребленія, какъ рѣшительно утверждаетъ столичный авторъ, то и тогда не неумѣстно было указать на него, какъ на одежду антигигіеническую; и опять, ничего курьезнаго тутъ нѣтъ.

Что касается выраженія о фракѣ, то, не настаивая на его безусловной вѣрности, мы можемъ заявить, что это выраженіе не наше, и лживо утверждаетъ авторъ, что фракъ никто такъ не называлъ. У Реклама („Популярная

гигіена, стр. 223) читаемъ: „Фракъ—положительно неприличная и смѣшная принадлежность костюма, считающаяся въ большомъ свѣтѣ „приличною“ только потому, что фракъ былъ выдуманъ во Франціи. Для кого необязательно носить эту *дурацкую куртку*, тотъ хорошо сдѣлаетъ, если не станетъ въ нее наряжаться“. На фракъ можно смотрѣть съ двоякой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія приличія и гигіенической. Въ первомъ случаѣ нельзя спорить, или хотя и можно, но не должно. (De gustibus non est disputandum); во второмъ случаѣ онъ прямо не выдерживаетъ критики, какъ одежда антигигіеническая.

Нѣтъ, не въ содержаніи нашей статьи объ одеждѣ нужно искать курьезовъ, а въ замѣткѣ на нашу статью, напечатанной въ 67 № Ц. О. В. Но мы не имѣемъ на это ни времени, ни охоты... Sapienti sat.

А. Поповъ.

Вопросы пастырства.

Еще о мѣрахъ къ предотвращенію похищеній изъ церквей. Въ послѣднее время вопросъ этотъ болѣе и болѣе сталъ обращать на себя вниманіе какъ епарх. начальствъ, такъ и священниковъ, ревнующихъ о цѣлости церковнаго имущества. Рекомендовано не мало мѣръ и способовъ къ предупрежденію покражъ въ церквахъ; нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ уже и введены, другія предполагается ввести. Между тѣмъ случаи похищеній изъ церквей не только не прекратились, но повторяются въ разныхъ мѣстностяхъ чаще и чаще. Это доказываетъ, что постановленія, направленныя къ охраненію церквей отъ похищеній, или не приводятся въ исполненіе, какъ должно, или же сами по себѣ не настолько достаточны и сильны, чтобы противодѣйствовать

изобрѣтательности и искусству воровъ новѣйшаго времени. Въ виду этого считамъ небезполезнымъ сказать еще нѣсколько словъ о разныхъ мѣрахъ, рекомендуемыхъ къ охраненію церквей отъ похищеній.

Если помнятъ читатели, таврическая дух. консисторія въ прошломъ году подтверждала духовенству епархіи о строгомъ соблюденіи всѣхъ разновременно изданныхъ распоряженій о мѣрахъ къ предотвращенію кражъ изъ церквей *). Первая изъ этихъ мѣръ состоитъ въ прочномъ устройствѣ запоровъ и оконъ церковныхъ: предписывается наблюдать, чтобы окна, находящіяся въ нижнемъ ярусѣ въ церквахъ, имѣли крѣпкія желѣзныя рѣшотки, чтобы двери церковныя были желѣзныя, или же изъ крѣпкаго дерева и окованы желѣзомъ, съ надежными замками, нутреными и висячими, чтобы алтарныя двери были непремѣнно съ замками и запорами (Ук. св. Син. 4 дек. 1830 г.). Въ настоящее время совѣтуютъ не только въ нижнемъ, но и въ верхнемъ ярусѣ церкви устроять окна съ желѣзными рѣшотками, такъ какъ бывали случаи, что воры проникали въ церковь и чрезъ верхнія окна особенно въ селахъ, гдѣ церкви, большею частію, невысоки. Устройство самыхъ рѣшотокъ въ окнахъ должно обратить на себя особенное вниманіе. Часто устроются рѣшотки изъ тонкихъ желѣзныхъ полосокъ и не прочно закрѣпляются въ стѣнахъ— всего на одинъ или на полтора вершка внутрь стѣны. Сломать такую рѣшотку не представляетъ большой трудности, чѣмъ въ большинствѣ случаевъ и пользуются наши святотатцы **). Поэтому рокомендуютъ не только въ новостроющихся церквахъ устроять въ окнахъ болѣе надежныя

*) См. „Пенз. Епарх. Вѣд.“, 1878 г. № 15-й.

**) См. наприм. извѣстія о церк. покражахъ въ № 37-мъ „Моск. Еп. Вѣдом.“ за 1878-й годъ.

рѣшотки, но и въ окнахъ существующихъ церквей перемѣнить рѣшотки, если онѣ непрочны и ненадежны, если онѣ, наприм., слишкомъ тонки, не имѣютъ въ рединѣ поперечниковъ и не глубоко закрѣплены въ стѣнахъ; слѣдуетъ замѣнить ихъ болѣе прочными и частыми рѣшотками, которыя и закрѣпить какъ можно глубже. При глубокой закрѣпѣ рѣшотокъ, если только онѣ прочны и съ частыми переплетами, не легло проникнуть въ церковь и опытнымъ ворамъ.

Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на замки, которыми запираются церковныя двери. Недостаточно однихъ висячихъ замковъ, хотя бы и самыхъ лучшихъ, но непремѣнно кромѣ этихъ замковъ надобно устроять въ дверяхъ внутреннія прочныя личины, которыя взломать труднѣе, чѣмъ висячій замокъ.

Въ числѣ мѣръ къ предотвращенію похищеній изъ церквей принято нанимать сторожей и караульщиковъ, которые должны быть изъ лицъ вполнѣ благонадежныхъ; люди нетрезвые, а также престарѣлые и хворые не должны быть нанимаемы для охраненія церкви. Лучше дать подороже, но чтобы имѣть хорошаго сторожа, чѣмъ за дешевую плату нанимать сторожа совсѣмъ или почти безполезнаго.

Но одинъ сторожъ при церкви, хотя бы самый здоровый, усердный и добросовѣстный не можетъ вполнѣ исполнять всѣ возлагаемыя на него обязанности. По предписанію епарх. начальствъ сторожа должны по ночамъ *каждый часъ обходить церковь;* но для этого приходится почти не спать во всѣ ночи, а подкрѣплять себя сномъ уже въ теченіе дня. Но естественно ли это и кто на это согласится? Церковные сторожа обыкновенно обходятъ церковь только два или три раза въ ночь, въ селахъ при этомъ производятъ звонъ и тѣмъ ограничивается ихъ стереженіе.

Очевидно—одинъ сторожъ, не смотря ни на какія строгія условія, не въ состояніи охранить церковь отъ похищеній; необходимо нанимать двухъ сторожей, которые бы поочередно стерегли церковь. Если ограниченность средствъ не дозволяетъ самой церкви нанимать двухъ сторожей, въ такомъ случаѣ обязанность обезпечить церковь отъ похищеній должны принять на себя прихожане. Прихожане могутъ составить очередь и поочередно раздѣлять трудъ охраны церкви съ церковнымъ сторожемъ. Дѣло это не представляется обременительнымъ, если каждому прихожанину придется два или три раза въ годъ соблюсти свою очередь. Охраняютъ же крестьяне поочередно свои жилища во всю ночь отъ воровства и поджоговъ...

Въ приходахъ отдаленныхъ отъ церкви могли бы охранять церковь кромѣ церковнаго сторожа причетники, особенно сверхштатне и заштатные. Для церкви не было бы обременительно платить таковымъ причетникамъ 20 или 30 рублей въ годъ, а между тѣмъ итакая сумма можетъ послужить къ нѣкоторому улучшенію незавиднаго быта нашихъ причетниковъ, а церковь надежнѣе была бы обезпечена отъ похищеній.

Не повторяя другихъ мѣръ, рекомендованныхъ въ прошломъ году таврическою консисторіею къ предотвращенію похищеній изъ церквей, остановимся на нѣкоторыхъ *новыхъ* мѣрахъ, предлагаемыхъ для той же цѣли. „Московскія“ (№№ 37-й и 52-й, 1878 г.) и „Оренбургскія Епарх. Вѣдомости“ (№ 5-й, 1879 т.) рекомендуютъ поставить около церквей фонари на столбахъ достаточной вышины и въ такомъ количествѣ, чтобы они освѣщали всю церковь. Гдѣ позволяютъ средства, можно поставить фонари съ четырехъ сторонъ, около же небогатыхъ церквей достаточно поставить два фонаря—одинъ на юго-восточномъ, а другой

на юго-западномъ углу, такъ чтобы одинъ фонарь освѣщалъ южную и восточную сторону, а другой—сѣверную и западную. По вычисленію вѣдомостей, въ мѣсяцы съ самыми длинными ночами, расходъ на освѣщеніе церкви двумя фонарями не будетъ превышать 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ... Освѣщеніе церкви фонарями, по словамъ вѣдомостей, представляетъ ту выгоду, что церковному сторожу легче замѣтить вора при свѣтѣ, чѣмъ въ темномъ, да и воръ, опасаясь, что при свѣтѣ его замѣтятъ, не скоро рѣшится на кражу изъ церкви.

Впрочемъ, фонарное освѣщеніе церкви считается нѣкоторыми священниками мѣрою не вездѣ примѣнимою и не вполнѣ достигающею своей цѣли. Указываютъ на то, что иная церковь въ воскресный день не выручитъ столько, сколько она истратитъ на керосинъ въ продолженіе недѣли. Съ другой стороны, фонари не могутъ освѣщать всѣхъ оконъ, и воры легко могутъ найти такое окно для проникновенія въ церковь, на которое свѣтъ фонарей не простирается, или же могутъ проникнуть въ церковь чрезъ трубу, особенно гдѣ устроены духовыя печи. Словомъ—предлагаемая мѣра, хотя и заслуживаетъ одобренія, но не вполнѣ достаточна для предохраненія церкви отъ похищеній. Въ Москвѣ, наприм., около каждой церкви стоятъ не три—четыре, а цѣлые десятки фонарей, и не смотря на то церкви иногда обкрадываются чище сельскихъ. Вмѣсто траты на фонарное освѣщеніе, гораздо полезнѣе, говорятъ, имѣть сторожу надежную собаку, которая, дѣйствительно, скорѣе откроетъ присутствіе близъ церкви сторонняго человѣка, чѣмъ фонарный свѣтъ. И для сторожа будетъ выгода та, что, дѣлая обходъ церки, онъ не можетъ опасаться внезапнаго нападенія на него со стороны вора.

Изъ другихъ выдающихся мѣръ рекомендуется устройство особыхъ *хранилищъ* или кладовыхъ для храненія болѣе цѣнныхъ вещей. Для этой цѣли состоятельныя церкви могли бы имѣть каменную пристройку къ храму со входомъ изъ внутри послѣдняго; въ стѣнѣ этой пристройки долженъ быть вдѣланъ желѣзный несгараемый шкафъ новой системы; помѣщеніе это можетъ служить и для ризницы. Небогатыя же церкви должны бы имѣть для цѣнныхъ вещей шкафъ, сдѣланный въ стѣнѣ съ желѣзною дверкою, или отдѣльный, но прочный, обитый желѣзомъ.

Наконецъ, одинъ священникъ (см. „Моск. Еп. Вѣд." 1879 г. № 21-й) предлагаетъ пристраивать самую караулку для сторожа къ церкви—къ трапезной или теплой ея половинѣ. Караулка должна имѣть два окна, одно для освѣщенія караулки, а другое пробитое въ церковь. Послѣднее окно должно быть самаго малаго размѣра, лишь бы можно было видѣть чрезъ него внутренность храма; должно быть съ крѣпкою рѣшоткою (это уже отъ самого сторожа) и рамою, открывающеюся изъ караулки. Въ продолженіе ночи сторожа по очереди должны сидѣть около окна, наблюдая и прислушиваясь, нѣтъ ли шума отъ взломовъ. Необходимо при этомъ имѣть особый проводъ къ колоколу изъ караулки, чтобы въ случаѣ надобности сторожъ немедленно могъ призвать на помощь мѣстныхъ обывателей.

Пастырямъ церквей необходимо обратить вниманіе на предлагаемыя къ охраненію церковнаго имущества мѣры, и воспользоваться тѣми изъ нихъ, которыя будутъ признаны наиболѣе удобопримѣнимыми и цѣлесообразными. Бережонаго Богъ бережетъ.

Предосторожность при покупкѣ сосудовъ для т. евхаристіи. Въ наше время безчестный обманъ и подлогъ проникли даже туда, гдѣ они менѣе всего терпимы. По церковнымъ

постановленіямъ свящ. сосуды должны быть устрояемы изъ приличнаго вещества—изъ золота или серебра и только въ крайнемъ случаѣ изъ олова (Ук. св. Син. 1742 г. 9 окт., № 8625. Уст. Дух. Конс. § 38, прим., Учит. Извѣст. при Служебникѣ; Инстр. Благоч. п. 1), но отнюдь не должны быть изъ желѣза, мѣди или дерева. Между тѣмъ „Московскія Епарх. Вѣдомости" сообщаютъ, что въ послѣднее время начало сильно развиваться, по преимуществу, въ деревенскихъ мастерскихъ производство *мѣдныхъ* свящ. сосудовъ, покрытыхъ самою легкою гальваническою позолотою. Послѣ втораго или третьяго совершенія литургіи, позолота въ потирахъ такого издѣлія сходитъ и дальнѣйшее употребленіе ихъ сопровождается примѣсью въ евхаристическое вещество ядовитой мѣдной окиси. Въ виду этого пастырямъ и старостамъ церковнымъ при покупкѣ или принятіи отъ жертвователей сосудовъ для т. евхаристіи слѣдуетъ внимательно разсматривать, имѣютъ ли эти сосуды узаконенную пробу, и не соблазняться кажущеюся дешевизною ихъ.

Н. С—въ.

От Совѣта епарх. женск. училища объявляется, что пріемные экзамены въ епархіальномъ женскомъ училищѣ въ началѣ будущаго $187^{9}/_{80}$ учебнаго года начнутся съ 20 числа августа и будутъ продолжаться до 1 сентября.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Условія подписки—съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 іюля 1879 по 1 іюля 1880 года) 6 рублей, на полгода (съ 1 іюля 1879 по 1 января 1880 года) 4 рубля; на три мѣсяца (съ 1 іюля по 1 октября 1879 года) 3 рубля; на одинъ мѣсяцъ 1 руб. сер.

Программа Русскаго Курьера слѣдующая: Постановленія и распоряженія правительства и движенія по государственной службѣ; придворныя извѣстія; телеграммы; обзоръ политическихъ событій, общественной жизни, и обсужденіе „вопросовъ дня"; военныя извѣстія; мнѣнія русской и иностранной печати по данному вопросу и сущность руководящихъ статей; иностранныя извѣстія по русскимъ и заграничнымъ источникамъ; извѣстія изъ славянскихъ земель. Жизнь Россіи; наши домашнія дѣла; корреспонденціи; народное образованіе; внутреннія извѣстія; судебная хроника; научныя извѣстія; литература; искусства и художества; театръ; музыка; историческія свѣдѣнія; мелкія извѣстія, случаи, анекдоты; биржевыя, желѣзно-дорожныя, торговыя и др. свѣдѣнія; справки и проч. **Адресъ**: въ контору изданія **„Русскаго Курьера"**, на Никитскомъ бульварѣ, въ **Москвѣ**. Редакт. **В. Селезневъ.**

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

Редакторы, преподаватели семинаріи: { А. Поповъ. Н. Смирновъ.

Дозволено ценз. Пенза, 1 іюля 1879 г. Цензоръ, ректъ сем., прот. С. Масловскій.

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.